

Е.Ю. Фаркова

Обломов

ОБЛОМОВ ИЛЬЯ ИЛЬИЧ — дворянин, имеет чин коллежского секретаря. К началу действия романа «безвыездно живет двенадцатый год в Петербурге». Когда ему было двадцать с лишним лет, Обломов приехал в столицу из Обломовки, родового имения, расположенного в одной из губерний, «чуть не в Азии». Тогда он еще «был полон разных стремлений, все чего-то надеялся, ждал много и от судьбы и от самого себя».

Обломов — человек приятной наружности, но в чертах его лица отсутствует всякая определенная идея, всякая сосредоточенность. Мысль вольной птицей порхала в его темно-серых глазах, «садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности». Мягкость «была господствующим и основным выражением не лица только, а всей души».

Беспечность и мягкость пронизывают весь облик героя. «С лица беспечность переходила в позы всего тела, даже в складки шлафрока». Движения Обломова, когда он был встревожен, сдерживались «мягкостью и не лишнюю своего рода грации ленью».

Поверхностно-холодный наблюдатель мог бы сказать об Обломове: «Добряк должно быть, простота!» Другой же — человек поглубже и посимпатичнее — почувствует его сложную и непостижимую натуру: «душа так открыто и ясно светилась в глазах, в улыбке, в каждом движении головы, рук».

Портрет Обломова завершается описанием домашнего костюма, который так идет «к покойным чертам лица его и к изнеженному телу!» По мере того как сужался круг светского общения Обломова, халат «утратил свою первоначальную свежесть и местами заменил свой первобытный, естественный лоск другим, благоприобретенным...» Он «имел в глазах Обломова тьму неочтенных достоинств: он мягок, гибок; тело не чувствует его на себе; он, как послушный раб, покоряется самомалейшему движению тела».

Костюм в жизнеописании героя приобретает символический смысл. Обломов любит просторную одежду: в шлафроке, просторном сюртуке или куртке воображает он себя и в мечтах. Когда он влюбляется в Ольгу, то перестает носить халат, ходит в домашнем пальто. Изменилась жизнь Обломова, ее ритм — другой стала и одежда. Он носит легкую косынку на шее, белоснежную рубашку, прекрасно сшитый сюртук, щегольскую шляпу.

В попытке поспеть за жизнью Обломов вначале стремится следовать моде того времени. Собираясь за границу, он заказывает дорожное пальто и кепку, а, исповедуясь Штольцу, сам сравнивает себя с ветхим, изношенным кафтаном.

Отец Обломова весь век жил в деревне, хозяйствовал в имении без разных новшеств («как принял имение от отца, так передал его и сыну»). Он «не мудрил, не ломал себе головы над разными затеями, как это делают нынешние: как бы там открыть какие-нибудь новые источники производительности земель или распространять и усиливать старые и т.п.».

Его методы ведения хозяйства были патриархально бесхитростными. Старик «целое утро сидит у окна и неукоснительно наблюдает за всем, что делается на дворе», давая дворовым такие указания: «Ну неси, неси; да хорошенько, смотри, наточи», «Ну иди-иди!.. Да смотри, не пролей молоко-то!»

Увеличение дохода Обломов-старший называл благословением Божиим. Доход, необходимый, «чтобы день обедать и ужинать без меры, с семьей и разными гостями», старик получал «без всяких лукавых ухищрений ... благодарил Бога и считал грехом стараться приобретать больше». Никаких советов по улучшению хозяйства он не принимал, считал их «вредными». «Отцы и деды не глупее нас были, да прожили же век счастливо;

проживем и мы: даст Бог, сыты будем».

Хозяйственную деятельность старика Обломова автор оценивает иронически: «завидит из окна, что дворняжка преследует курицу, тотчас примет строгие меры против беспорядков». «И жена его сильно занята». Она распоряжается хозяйственными делами по женской части, скрупулезно, с дотошностью решает, «как из мужниной фуфайки перешить Илюше курточку», задает «каждой девке, сколько сплести в день кружев», и т.д. По ее «окончательному приговору» принимаются или отвергаются советы по приготовлению обеда. И поскольку в жизни обломовцев главной была забота о пище, то повластной хозяйкой в имении являлась жена Ильи Ивановича. В вечерних беседах, когда муж начинал философствовать, хозяйка строго отвечала: «Надо Богу больше молиться да не думать ни о чем!» И Илья Иванович «трусливо, скороговоркой» отзывался: «Правда, правда». В знаменитой истории с письмом от Филиппа Матвеевича Радищева именно жена приложила все усилия к тому, чтобы Илья Иванович не ответил своему старинному приятелю. «Полно, не распечатывай ...Да погоди, что торопиться», – уговаривала она мужа и в конце концов запретила отправлять письмо — «сорок копеек на пустяки бросать».

Воспоминания о давно умершей матери заставляют Обломова затрепетать «от радости, от жаркой любви к ней». Она любила своего сына страстно и безгранично. По утрам, когда няня приводила ребенка к матери, осыпала «его страстными поцелуями», потом осматривала «его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли глазки... не болит ли что-нибудь», расспрашивала, «покойно ли он спал, не просыпался ли ночью, не метался ли во сне, не было ли у него жару?» Молясь с сыном, она вкладывала в святые слова всю душу, не обращая внимания на то, что резвый и шустрый мальчик рассеянно и вяло повторяет слова молитвы. Набожность в ней сочеталась с суеверием. Как и все обломовцы, она верила в оборотней, мертвецов; рассказывала сыну о том, что после наступления сумерек в лес страшно ходить гулять: «...теперь леший ходит, он уносит маленьких детей».

Хотя в романе и сказано, что Илья Ильич не был похож ни на отца, ни на деда, однако в его петербургской жизни повторяются многие ситуации обломовского бытия. История с письмом, потрясшим спокойствие Обломовки, предваряет эпистолярные эпизоды в петербургской жизни Обломова. Параллели прослеживаются и в читательских пристрастиях отца и сына.

Илья Иванович иногда читал, хотя ему было все равно, что читать, считая чтение роскошью, «таким делом, без которого легко и обойтись можно». Он читал все книги «с равным удовольствием», «не выбирая, что попадет».

Илья Ильич «изредка, по указанию Штольца, пожалуй, и прочитывал ту или другую книгу, но не вдруг, не торопясь, без жадности, а лениво пробегал глазами по строкам». Старик Обломов, как и многие тогда, «почитал сочинителя не иначе как весельчаком, гулякой, пьяницей и потешником, вроде плясуна». Илья Ильич Обломов пламенно доказывает литератору Пенкину, что в современной литературе жизни «нет ни в чем: нет понимания ее и сочувствия, нет того, что там у вас называется гуманизмом». В искусстве, по его представлениям, должны проявляться человечность и любовь. «Протяните руку падшему человеку, чтоб поднять его, или горько плачьте над ним, если он гибнет, а не глумитесь. Любите его, помните в нем самого себя и обращайтесь с ним, как с собой, — тогда я стану вас читать и склоню перед вами голову...» Обломов, как и отец, читал книги, газеты, если они попадались ему под руку, хотя порой и был способен увлечься новой книгой. «Услышит о каком-нибудь замечательном произведении», стремится познакомиться с ним. Обломов «ищет, просит книги, и если принесут скоро, он примет за нее, у него начнется формироваться идея о предмете». Но увлечение быстро проходило, книга оставалась недочитанной, непонятой, и «он уже никогда не возвращался к покинутой книге».

В детстве Обломов получил первые понятия и впечатления о жизни, которая, «как покойная река», течет мимо, и в которой идеалом является покой и бездействие. Илюша рос хорошеньким, полным мальчиком: «Щечки такие кругленькие, что иной шалун надуется нарочно, а таких не сделает». Резвый и шустрый ребенок доставлял много хлопот няне, не слушался предостережений матери, не внимал ее запрещениям. Его детский ум наблюдал «все совершающиеся перед ним явления». Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользала от пытливого внимания ребенка. И он бессознательно чертил программу своей жизни по жизни, протекающей в Обломовке. Первой и главной заботой была забота о пище: «Какие телята утучнялись там к годовым праздникам! Какая птица воспитывалась!.. Какие запасы были там варений, солений, печений! Какие меды, какие квасы варились, какие пироги пеклись в Обломовке!»

До полудня все суетились с приготовлением обеда, о котором совещались целым домом. На кухню беспрестанно посылаются «то Настасья Петровна, то Степанида Ивановна напомнить о том, прибавить это или отменить то, отнести сахару, меду, вина для кушанья и посмотреть, все ли положит повар, что отпущено». После обеда в доме воцаряется мертвая тишина, наступал «час всеобщего послеобеденного сна», всепоглощающего, ничем не победимого, «истинное подобие смерти». Ребенок с нетерпением дожидался мгновения, когда засыпала няня, которая, «несмотря на всю строгость наказов барыни и на свою собственную волю, не могла противиться обаянию сна». Когда в Обломовке наступал час послеобеденного отдыха, для ребенка начиналась захватывающая самостоятельная жизнь. Он оставался один в целом мире...

Пытливый ум мальчика все же не в силах был противиться простоте нравов, тишине и неподвижности, царившей в Обломовке. В бесконечные зимние вечера няня нашептывала ему сказания «о какой-то неведомой стороне, где нет ни ночей, ни холода, где все совершаются чудеса, где текут реки меду и молока, где никто ничего круглый год не делает, а день-деньской только и знают, что гуляют все добрые молодцы, такие, как Илья Ильич, да красавицы, что ни в сказке сказать, ни пером описать». И будучи взрослым, Обломов сохранит веру в чудеса, бессознательно грустя о том, что «зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка». С детства у Обломова «навсегда останется расположение полежать на печи, походить в готовом, незаработанном платье и поесть на счет доброй волшебницы».

Когда пришло время, «отец и мать посадили баловника Илюшу за книгу». Со слезами, воплями, капризами увезли его учиться в пансион, организованный Штольцем для детей окрестных дворян. Вместе с ним в пансионе учился сын Штольца Андрей, и еще один мальчик, «который почти никогда не учился, а больше страдал золотухой». Иван Богданович Штолец, человек дельный и строгий, мог бы выучить Илюшеньку «чему-нибудь хорошенько», однако у мальчика не было внутренней потребности к учению. Его родители понимали лишь очевидную выгоду образования сына, «мечтали и о шитом мундире для него, воображали его советником в палате, а мать даже и губернатором». Однако им хотелось, чтобы сын всего достиг без труда, «как-нибудь подешевле, с разными хитростями».

Пансион, в котором Обломов обучался до пятнадцати лет, находился в селе Верхлево, тоже принадлежавшем некогда Обломовым. И обаяние «обломовской атмосферы, образа жизни и привычек простиралось и на Верхлево». И в родительском доме, и в пансионе Илюшу лелеяли, «как экзотический цветок в теплице, и так же, как последний под стеклом, он рос медленно и вяло». И силы, которые искали своего проявления, «обращались внутрь и никли, увядая».

После обучения в пансионе родители отправили Илюшу в Москву, «где он волею-неволей проследил курс наук до конца». Кое-как одолел он учебные книги по статистике, истории, политической экономике, «учился всем существующим и давно не существующим правам, прошел курс и практического судопроизводства». Ученье на Илью Ильича

подействовало странно: «у него между наукой и жизнью лежала целая бездна». Обломов не соединил своей жизни с наукой, считая, что знания не понадобятся ему («Политическая экономия, например, алгебра, геометрия — что я стану с ними делать в Обломовке?»).

Окончив курс обучения, Обломов едет в Петербург, мечтая об успехах на служебном поприще, достойном положении в обществе, семейном счастье. Сначала он жил стесненно и скромно, «помещался в двух комнатах, довольствовался только вывезенным им из деревни слугой Захаром». После получения наследства в триста пятьдесят душ его доход увеличился («вместо пяти получал уже от семи до десяти тысяч рублей ассигнациями дохода»), и Обломов снял «квартиру побольше, прибавил к своему штату еще повара и завел было пару лошадей».

В первые годы жизни в столице Обломов «был полон разных стремлений, все чего-то надеялся, ждал многого и от судьбы и от самого себя». Прошло десять лет, а он «ни на шаг не подвинулся ни на каком поприще ... все собирался и готовился начать жизнь, все рисовал в уме узор своей будущности».

Провинциальное воспитание «среди кротких и теплых нравов» не дало Обломову реальных представлений о службе. Он воображал ее семейным занятием, «вроде, например, ленивого записыванья в тетрадку прихода и расхода, как дельвал его отец». Сослуживцы в его воображении представляли собой «дружную, тесную семью, неусыпно пекущуюся о взаимном спокойствии и удовольствии». Разочарование в службе и сослуживцах наступило очень быстро, и, протянув «кое-как года два», Обломов ушел в отставку, не получив следующего чина, после первого промаха, хотя никакими серьезными последствиями это не грозило. Он отказался от служебного поприща, считая, что, добиваясь чинов, человек для всего остального в мире становится слепым, глухим и немым, а когда достигает высот в карьере, оказывается, что «как мало тут человека-то нужно: ума его, воли, чувства». Обломов мог бы достичь успехов на поприще литературы, но не ценит и литературного труда, казалось, соответствующего его поэтической натуре. Зачем «писать-то все, тратить мысль, душу свою на мелочи менять убеждения, торговать умом и воображением, насиловать свою натуру, волноваться, кипеть, гореть, не зная покоя и все куда-то двигаться...»?

Светская жизнь «удалась было ему лучше». Он был сначала окружен толпой друзей, но, постигнув законы светской жизни, простился с ними сразу «после первого письма старосты о недоимках и неурожае».

Появившись в петербургском свете, Обломов привлек внимание дам, однако «никогда не отдавался в плен красавицам», ограничиваясь «поклонением издали, на почтительном расстоянии». С боязнью избегал он бледных, печальных дев, «с не ведомыми никому скорбями и радостями».

С годами его душа, кажется, перестала ждать «своей любви, своей поры, своей патетической страсти». Петербургский свет перестал увлекать его, и постепенно Илья Ильич погружался в уединение. Отвыкнув от внешних явлений, Обломов стал по-ребячески робким, боясь «всего того, что не встречалось в сфере его ежедневного быта». Светскую жизнь Обломов не признает: она не делает человека счастливым. Он радуется тому, что у него нет, как у светского щеголя Волкова, «пустых желаний и мыслей, что он не мыкается, а лежит вот тут, сохраняя свое человеческое достоинство и свой покой».

Живя в городе, в ограниченном пространстве (на Гороховой в большом доме, «народонаселения которого стало бы на целый уездный город»), Обломов занимает квартиру из четырех комнат, в которой сохраняется атмосфера обломовского быта. В трех комнатах, куда он редко заглядывал, мебель закрыта чехлами, шторы спущены. Жилая комната, служившая спальней, кабинетом и приемной, «с первого взгляда казалась прекрасно убранною»: бюро красного дерева, обитые шелком диваны, красивые ширмы, шелковые занавесы, ковры, несколько картин, бронза, фарфор, множество безделушек. При внимательном осмотре оказывалось, что по стенам, «около картин, лепилась в виде

фестонов паутина, напитанная пылью; зеркала, вместо того чтоб отражать предметы, могли бы служить скорее скрижалями, для записывания на них по пыли каких-нибудь заметок на память. Ковры были в пятнах. На диване лежало забытое полотенце; на столе редкое утро не стояла не убранная от вчерашнего ужина тарелка с солонкой и с обглоданной косточкой да не валялись хлебные крошки». Такая же печать запущенности лежала и на доме родителей. Обломов помнит дом в родовом имении обветшалым, «с покривившимися набор воротами, с севшей на середине деревянной кровлей, на которой рос нежный зеленый мох, с шатающимся крыльцом, разными пристройками и надстройками и с запущенным садом».

В Петербурге Обломов ведет образ жизни, привычный с детства. И это дается ему без труда, ибо и в столице в каждом зажиточном доме обитали люди, «без хлеба, без ремесла, без рук для производительности и только с желудком для потребления, но почти всегда с чином и званием».

Хотя Обломов и не стремится к общению, его то и дело навещают разные люди. Одни, как Волков, Судьбинский, Пенкин, заходят не часто и не надолго. Другие — Алексеев, Тарантьев — усердно посещают его. Эти приходят пить, есть, курить хорошие сигары, находя у Обломова «теплый, покойный уют и всегда одинаково если не радушный, но равнодушный прием». Алексеев и Тарантьев были необходимым дополнением в жизни Обломова. Посещения Алексеева не мешали «жить по-своему, то есть лежать молча, дремать или ходить по комнате...». Алексеев разделял «одинаково согласно и его молчание, и его разговор, и волнение, и образ мыслей, каков бы он ни был». Тарантьев же приносил в обломовское царство сна и покоя «жизнь, движение, а иногда и вести извне». Кроме того, Обломов простодушно верил, что Тарантьев «в самом деле способен посоветовать ему что-нибудь путное».

Обычное состояние Обломова — покой, «лежанье». «Когда он был дома — а он почти всегда был дома, — он все лежал, и все постоянно в одной комнате...»

В уединении и одиночестве Обломов «любил уходить в себя и жить в созданном им мире». В воображении он испытывал высокие помыслы, всеобщие человеческие скорби, боролся с людскими пороками, ложью, клеветой... Обломов представляет себя непобедимым полководцем, мыслителем, великим художником. А когда воображаемые заботы становятся неодолимыми, он теряется и начинает «молиться жарко, усердно, умоляя небо отратить как-нибудь угрожающую бурю». После молитвы становится «покоен и равнодушен ко всему на свете», дав попечение о своей участи небесам. «Никто не знал и не видал этой внутренней жизни Ильи Ильича, — иронически замечает Гончаров, — все думали, что Обломов так себе, только лежит да кушает на здоровье, и что больше от него нечего ждать...» Обломов часто утешается привычными словечками «авось», «может быть», «как-нибудь». В них всегда находится «целый ковчег надежд и умилений, как в ковчеге завета отцов наших». И несчастья, которые с утра казались трагическими, например, письмо старосты, переезд на новую квартиру, постепенно перестают тревожить Обломова и становятся лишь беспокойными воспоминаниями.

Мечта и сон — привычные формы бытия Обломова. В них он счастлив, живет по-настоящему: чувствует «смутное желание любви, тихого счастья». В его воображении часто возникает Обломовка, он мечтает жить среди «полей и холмов своей родины», в кругу жены, детей, друзей, там, где будет «вечное лето, вечное веселье, сладкая еда да сладкая лень...» В мечтах Обломов рисует две женщины. Первая — жена. Вторая — «краснощекая прислужница, с голыми, круглыми и мягкими локтями и с загорелой шеей».

Возвращаясь в реальность, он стремится осуществить свои идеалы и помыслы. Однако эти стремления мгновенно улечиваются, зачастую не оформляясь даже словесно. Громкий призыв к Захару, не успев перейти в просьбу или приказание, сменяется задумчивым настроением. «...Вот что, братец...», — начал он, указывая на чернильницу, но, не кончив фразы, впал опять в раздумье».

В Обломове развито чувство барского самолюбия и достоинства. Он требует от Захара почитания и благоговения, требует, чтобы слуга хранил покой своего барина. Дворянин и барин, Обломов не может терпеть, когда Захар сравнивает его с кем-нибудь «другим». Обломов уверен, что он не такой, как все: другой — «есть голь окаянная, грубый, необразованный человек, живет грязно, бедно, на чердаке...» Другой «хоть иногда и барином смотрит, да врет, он и не знает, что такое прислуга...».

Сравнивая себя с «другим», Обломов формулирует две идеи. Одна — о своей исключительности, праве на барский покой — для Захара. Другая — потаенная — сокровенная. Самому себе он признается: другой «успел бы написать все письма... другой и переехал бы на новую квартиру, и план исполнил бы, и в деревню съездил бы...»

Хотя в жизни Обломова не было потрясений и бурь, его судьба трагична. В исповеди Штольцу он признается: «С первой минуты, когда я сознал себя, я почувствовал, что я уже гасну!..» Ясно представляя судьбу человека, его назначение, Обломов сравнивает всеобщее предназначение с собственной жизнью. И ему становится грустно и больно «за свою неразвитость, остановку в росте нравственных сил, за тяжесть, мешающую всему». Он завидует другим, которые «так полно и широко живут, а у него как будто тяжелый камень брошен на узкой и жалкой тропе его существования». В его робкой душе вырабатывается мучительное осознание того, что «многие стороны не пробуждались совсем, другие были чуть-чуть тронуты, и ни одна не разработана до конца». Сам Обломов болезненно чувствует, «что в нем зарыто, как в могиле, какое-то хорошее светлое начало, может быть, теперь уже умершее, или дежит оно, как золото в недрах горы, и давно бы пора этому золоту быть ходячей монетой».

За мягкостью, беспечностью и изнеженностью скрыта твердая и цельная натура. Ведь Обломов верен самому себе. Он порывает живые связи с теми друзьями, которые понимали «жизнь по-своему, как не хотел понимать ее Обломов, а они путали в нее и его: все это не нравилось ему, отталкивало его, было ему не по душе». Он сохранил в себе, «пронес сквозь жизнь», как природное золото, честное, верное сердце, к которому не пристали ни грязь, ни фальшь, ни ложь. Обломов любит искренне одного Штольца, верит «ему одному, может быть, потому, что рос, учился и жил вместе с ним». Их связывают романтические юношеские мечтания. Со Штольцем собирались они «изъездить вдоль и поперек Европу, исходить Швейцарию пешком, обжечь ноги на Везувии, спуститься в Геркулан». Они дали обещание друг другу «не умирать, не увидавши» великих творений великих итальянцев: Рафаэля, Микеланджело, Тициана...

Со Штольцем Обломов искренен, открыт. Он жалуется Штольцу на свое здоровье так, как можно жаловаться только близкому и дорогому другу: «Ячмени одолели: только на той неделе один сошел с правого глаза, а теперь вот садится другой». Он умоляет Штольца: «Дай мне своей воли и ума и веди меня, куда хочешь. За тобой я, может быть, пойду, а один не сдвину с места».

Поездки (путешествия) приобретают характер лейтмотива в отношениях друзей. Глядя на Обломова, Штолец удивляется: «Вот избаловался человек: с квартиры тяжело съехать». Для Штольца поездка — не подвиг, а простое и привычное дело. «В самом деле, какие подвиги: садись в коляску или на корабль, дыши чистым воздухом, смотри на чужие страны, города, обычаи, на все чудеса...». Обломов же в своей жизни совершил «единственную поездку из своей деревни до Москвы». Эту поездку в сопровождении нескольких слуг, «среди перин, ларцов, чемоданов, окороков, булок, всякой жареной и вареной скотины и птицы» он взял «за норму всех вообще путешествий».

После долгого затворничества благодаря Штольцу Обломов снова появляется в петербургском свете. И это первый подвиг, который он совершает в попытке изменить свою жизнь. Обломов «протестовал, жаловался, спорил, но был увлекаем и сопутствовал другу своему всюду». Выезжая со Штольцем в свет, он видит, что люди, «члены света и общества», — «мертвецы», «спящие люди»: «Разве не спят они всю жизнь сидя? Чем я

виноватее их, лежа у себя дома и не заражая головы тройками и валетами?» За суетой светских людей, их «всезнанием», «всеобъемлемостью» кроется непробудный сон, пустота, отсутствие симпатии ко всему. Скучным и незаметным считается «избрать скромную, трудовую тропинку и идти по ней, прорывать глубокую колею». Обломов страстно доказывает Штольцу, что жизнь света — «это не жизнь, а искажение нормы, идеала жизни». Он мечтает уехать в деревню не один — с женой, восстает против светской суеты («Не нравится мне эта ваша петербургская жизнь!»). И на вопрос Штольца, что именно так не нравится, Обломов отвечает пылко: «Все, вечная беготня взапуски, вечная игра дрянных страстишек, особенно жадности, перебиванья друг у друга дороги, сплетни, пересуды, щелчки друг другу, это оглядывание с ног до головы... Скука, скука, скука... Где же тут человек? Где его целость? Куда он скрылся, как разменялся на всякую мелочь?» Идеал его жизни повторяет в аристократическом, возвышенном варианте жизнь дедов и отцов в Обломовке. В его представлении о счастье нет места суетности, лицемерию, лжи. Все возвышенно и романтично: в доме будут ноты, книги, рояль, изящная мебель. Жизнь в деревне в кругу семьи, друзей — рай, в который стремится попасть Обломов. Обращаясь к Штольцу, он с искренностью восклицает: «...Цель всей вашей беготни, страстей, войн, торговли и политики разве не выделка покоя, не стремление к этому идеалу утраченного рая?»

Постоянно идя на поводу своих представлений и желаний, Обломов не свободен от влияния авторитетов и среды. Когда Штолец уезжает за границу, взяв с него слово приехать прямо в Париж, и в Обломове на какое-то время просыпаются жизненные силы: он получает заграничный паспорт, заказывает дорожное пальто, покупает фуражку, отдает распоряжение о мебели. Но после отъезда Штольца Обломов снова попадает в плен своих вечных опекунов — Захара и Тарантьева. «Захар метался по мастеровым, по лавкам, весь в поту, и хоть много гривен и пятаков положил себе в карман от сдач по лавкам, но проклял и Андрея Ивановича и всех, кто выдумал путешествия». На отдаленном фоне едва ли осуществимых перемен жизни Обломова замаячила зловещая фигура Тарантьева, которому поручено отвезти мебель и прочие вещи «на квартиру к куме, на Выборгскую сторону, запереть их в трех комнатах и хранить до возвращения из-за границы». И действительно, упоминание Захара и Тарантьева в связи со сборами за границу не было случайным. Обломов никуда не уезжает ни через месяц, ни через три потому, что накануне «отъезда у него ночью раздулась губа». Комический штрих подчеркивает предопределенность судьбы Обломова, невозможность для него той жизни, в которую влечет его Штолец.

Жизненные силы, пробудившиеся на какое-то время при попытке осуществить юношескую мечту о путешествии, устремились к исполнению другой мечты — мечты о любви. С Ольгой Ильинской Обломова знакомит Штолец в доме ее тетки — Марии Михайловны. Испытание любовью становится неизбежным для поэтической натуры Обломова, инертной и романтической одновременно. Любовь меняет облик героя. На его лице «появились даже краски, в глазах блеск, что-то вроде отваги или по крайней мере самоуверенности», исчезли усталость, скука. Другим становится ритм жизни Обломова. «Встает он в семь часов, читает, носит куда-то книги». Стремительными и порывистыми стали движения Обломова («что-то проворно дописывает», «беспрестанно поглядывает», «опять спешит писать», «бросил перо», «схватил букет», «подбежал к окну», «схватил фуражку, тросточку, выбежал в калитку», «подал руку какой-то прекрасной женщине и исчез с ней в лесу»). После знакомства с Ольгой, настойчивый, любопытный взгляд которой преследовал его, Обломов увидел себя со стороны. «И халат показался ему противен, и Захар глуп и невыносим, и пыль с паутиной нестерпима». Первым признаком перемены жизни стало то, что «велел вынести вон несколько дрянных картин, которые навязал ему какой-то покровитель бедных артистов; сам поправил штору, которая давно не поднималась, позвал Анисью и велел протереть окна, смахнул паутину». Наводя

порядок в квартире, Обломов стряхивает пыль и паутину со всей своей жизни, смело и отважно устремляется в мир, полный движений, волнений, страстей. В нем просыпается активная и энергичная натура.

Роман с Ольгой начинается бурно и страстно. Слушая ее пение в первый раз, он «вспыхивал, изнемогал, с трудом сдерживал слезы, и еще труднее было душить ему радостный, готовый вырваться из души крик...». Вернувшись домой, Обломов «не спал всю ночь; грустный, задумчивый проходил он взад и вперед по комнате; на заре ушел из дома, ходил по Неве, по улицам, Бог знает что чувствуя, о чем думая».

Во вторую встречу Обломов «смотрел на нее как будто не глазами, а мыслью, всей своей волей, как магнетизер, но смотрел невольно, не имея силы не смотреть». В голове его что-то волновалось, несло с быстротой, он не успевал «ловить мыслей: точно стая птиц, порхнули они, а у сердца, в левом боку, как будто болит».

Почти сразу, во вторую встречу, через три дня после знакомства, Обломов признается Ольге в любви («Нет, я чувствую... не музыку... а... любовь»). Взгляд Ольги «встретился с его взглядом устремленным на нее: взгляд этот был неподвижный, почти безумный; им глядел не Обломов, а страсть». И лишь после невольного признания он осознает, что Ольга точь-в-точь идеал «воплощенного покоя, счастья жизни». В его грезах идеал женщины представляется воплощением «целой жизни, исполненной неги и торжественного покоя, как сам покой». Он мечтал найти в своей возлюбленной «неизменную физиономию покоя, вечное и ровное течение чувства». В грезах Обломова сформировалось убеждение: страсть хороша в стихах да на сцене, она пройдет, и останется «дым, смрад». Поэтому после пылкого признания Ольге он сразу пугается: «Ах, что я наделал! Все сгубил!.. Любовь, слезы — к лицу ли это мне?»

Влюбленный Обломов тонко чувствует состояние Ольги. «Она любит меня, в ней играет чувство ко мне. Возможно ли? Она обо мне мечтает...» А когда появились надежды на взаимность Ольги, в нем заиграла гордость, «засияла жизнь, ее волшебная даль, все краски и лучи, которых еще недавно не было». Любовь наполнила жизнь Обломова смыслом. Он мечтает о путешествии с Ольгой за границу, намеревается уехать с ней в свой зеленый рай — Обломовку. Вместе они учились в «претрудной школе жизни», школе любви. Их симпатия росла, развивалась и проявлялась по непреложным законам: ожидания и страдания, встречи и признания. Когда невозвратно прошел момент «символических намеков, знаменательных улыбок, сиреневых веток», любовь стала «строже, взыскательнее, стала превращаться в какую-то обязанность; явились взаимные права».

Внезапно загоревшись любовной страстью, Обломов внезапно и отрезвляется. В разгар романа он пишет Ольге: «Я только сегодня, в эту ночь, понял, как быстро скользят ноги мои: вчера только удалось мне заглянуть поглубже в пропасть, куда я падаю, и я решил остановиться». С горечью осознает Обломов, что молодость «легко переносит и приятные и неприятные волнения; а мне к лицу покой, хотя и скучный, сонный, но он знаком мне; а с бурями я не управлюсь». Любовь, обрамленная в рамки лета, начинает приобретать контуры дачного романа. «Лето в самом разгаре», и в их отношениях «царствует жаркое лето: набегают иногда облака и проходят». Хотя роман и будет продолжаться в Петербурге, финал его предрешен. «Лето подвигалось, уходило. Утра и вечера становились темны и серы. Не только сирени — и липы отцвели, ягоды отошли. Обломов и Ольга виделись ежедневно». Обломов «погнал жизнь, то есть усвоил опять все, от чего отстал давно», однако усвоил только то, что вращалось в кругу ежедневных разговоров в доме Ольги, что читалось в получаемых там газетах...»

В отношениях влюбленных ведущую роль играет Ольга, ей принадлежит «первая и главная роль в этой симпатии». Между тем Обломов ловит на себе сомнительные, странные взгляды Ольгиной тетки, Сонечки с мужем, гостей. Ему чужды их толки, смех. Он мучается, не решаясь поверить Ольге свои сомнения, боится встревожить «этот

невозмутимый, безоблачный мир вопросом строгой важности... не ошибка ли вся их любовь, эти свидания в лесу, наедине, иногда поздно вечером?» Выбываясь из сил, плача, как ребенок, в минутные прояснения ума Обломов «сознавал, что всему этому есть законный исход: протянуть Ольге руку с кольцом». В радостном трепете он так представляет сцену объяснения перед свадьбой: «Слезы и улыбка, молча протянутая рука, потом живая резвая радость, счастливая торопливость в движениях, потом долгий, долгий разговор, шепот наедине, этот доверчивый шепот душ, таинственный уговор слить две жизни в одну!»

Обломов пылко и страстно делает предложение Ольге: встает перед ней на колени, с горячностью, увлеченный потребностью самолюбия, просит жертв у сердца возлюбленной и упивается этим ощущениями. Ольга ведет себя со спокойной гордостью, а «ему хотелось бы в эту минуту не гордости и твердости, а слез, страсти, охмеляющего счастья, хоть на одну минуту, а потом уже пусть потекла бы жизнь невозмутимого покоя!»

После счастливого объяснения роковым предзнаменованием становится появление на даче Обломова Тарантьева. Закончился светлый безоблачный праздник любви, она «мешалась со всею жизнью, входила в состав ее обычных отправлений и начинала линять, терять радужные краски». В любви миновала поэтическая пора, начиналась «строгая история: палата, потом поездка в Обломовку, постройка дома, заклад в совет, проведение дороги, нескончаемый разбор дел с мужиками, порядок работ, жнитво, умолот, щелканье счетов, заботливое лицо приказчика, дворянские выборы, заседание в суде».

Любовь становится долгом, и кончилась ее «летняя, цветущая поэма». Влюбленные реже виделись. Правила светской жизни лишали их отношения прежней свободы, свидания становились случайными. И Обломов уже радовался, что Ольга взяла на себя «попечение о порядке свиданий». Он продолжает бывать в доме Ильинских, по-прежнему «заслушивался ее пения или глядел ей в глаза; а при свидетелях довольно было ему одного ее взгляда, равнодушного для всех, но глубокого и знаменательного для него». Ему приходится играть роль влюбленного мальчика, а он не хочет этого, его обижают и оскорбляют разговоры за спиной. Не будучи светским человеком, Обломов пугается толков о их свадьбе. Будничная жизнь постепенно разрушает поэтический идеал свадьбы и семейного счастья. Вникнув «в практическую сторону вопроса о свадьбе», Обломов увидел: свадьба — «конечно, поэтический, но вместе и практический, официальный шаг к существенной и серьезной действительности и к ряду строгих обязанностей». Время идет, Обломов ждет отчета поверенного из деревни о состоянии своих дел; у него нет денег; нужно найти квартиру в Петербурге, поближе к Ильинским. На время, пока найдется квартира, Обломов поселяется в доме Агафьи Матвеевны Пшеницыной, вдовы коллежского секретаря, на Выборгской стороне.

Случайное совпадение чинов мужа хозяйки и самого Обломова становится намеком на неизбежность обретения мечты в доме этой женщины. Здесь Обломов сразу располагался по-барски. Как и на Гороховой, он занимает всю парадную анфиладу из четырех комнат. Окна кабинета и спальни выходят на двор, гостиной — в садик, залы — к большому огороду, в котором растут капуста и картофель. Обстановка в комнатах безыскусная: «простые, под орех стулья», которые жались по стенам; «под зеркалом стоял ломберный стол; на окнах теснились горшки с еранью и бархатцами и висели четыре клетки с чижами и канарейками».

Жизнь в доме Пшеницыной напоминала жизнь в Обломовке: тишина и спокойствие, постоянные заботы хозяйки о кухне, на которой она царствовала. Из-за жульничества Тарантьева и брата Пшеницыной, Ивана Матвеевича Мухоярова, Обломов не может покинуть квартиру на Выборгской стороне: нет денег, которые он должен вернуть по неосмотрительно подписанному контракту.

Все же он борется за свое счастье. Оставшись без денег, без квартиры в городе, Обломов пишет второе письмо поверенному, умоляет ответить поскорее. В этом

преодолении самого себя Обломов в конце концов оказывается бессильным и приходит в отчаяние: «Господи! Зачем она любит меня? Зачем я люблю ее? Зачем мы встретились? Это все Андрей: он привил любовь, как оспу, нам обоим. И что это за жизнь, все волнения да тревоги! Когда же будет мирное счастье, покой?» В заботах и хлопотах о помолвке Обломов истерзан, его «сердце наболело то от сбывающихся, то от пропадающих надежд, от ожиданий». На тайном свидании в его квартире на Выборгской Обломов признается Ольге: «...весь организм мой потрясен: он немеет, требует хоть временного успокоения». После свидания он снова вдохновляется («Обе жизни, как две реки, должны слиться: он ее руководитель, вождь!»). Обломов говорит сам себе: «Полно жить одиноко: есть у него теперь угол; он крепко намотал свою жизнь; есть у него свет и тепло — как хорошо жить с этим!»

Любовь Обломова — любовь романтическая, наполненная страстными признаниями, тайными свиданиями, взволнованными письмами. Трагическое последствие имеет всякое вмешательство в его мысли и чувства реальности и обыденности. Перчатка, оставленная Ольгой, становится не счастливым, а роковым предзнаменованием. Когда Захар обнаружил перчатку, Обломов пытается убедить его и хозяйку, что «барышня Ильинская» не приезжала к нему. Путаясь в оправданиях, он незаметно попадает под опеку Агафьи Матвеевны. Это реальный план развития событий после приезда Ольги к Обломову. Оставленная перчатка в воображении Обломова становится символическим знаменем, после которого должно прийти письмо от поверенного по делам в имении.

Письмо действительно приходит, но в нем совсем не те новости, которых ждал Обломов, надеясь поправить свои дела перед свадьбой. Предстоящие хлопоты об имении обступают Обломова как призраки; он очутился среди них «будто в лесу, ночью, когда в каждом кусте и дереве чудится разбойник, мертвец, зверь».

Во имя любви к Ольге Обломов пытается вырваться из затруднительного положения, в котором еще «на год отодвинулось счастье». В отчаянии обращается он за помощью к брату хозяйки Ивану Матвеевичу: «Делайте вы, если знаете, и помогите, если можете, а за труд возьмите себе что хотите — на то и наука!».

Трагедия Обломова в том, что он — барин — не деловой и непрактичный человек. Он обладает значительным состоянием — триста душ. Однако, по его представлениям, оно не обеспечит ему идеальной барской жизни. Воспитанный в патриархальных традициях, Обломов не допускает мысли о том, чтобы вложить деньги в какую-нибудь компанию: вдруг что случится — «вот я и без гроша». Обломов не приспособлен к практической жизни, не имеет представления о том, как нужно вести хозяйство доходно, с прибылью. Его жизненная философия — философия барина: «...Я не знаю, что такое барщина, что такое сельский труд, что значит бедный мужик, что богатый; не знаю, что значит четверть ржи или овса, что она стоит, в каком месяце и что сеют и жнут, как и когда продают; не знаю, богат я или беден, буду ли я через год сыт или буду нищий — я ничего не знаю!» Беспомощный, как ребенок, Обломов берет по рекомендации Ивана Матвеевича в поверенные чужого, незнакомого человека Исая Фомича Затертого. Понятно, что новый поверенный тоже будет обманывать Обломова. И ему никак не вырваться из заколдованного круга житейских проблем.

Во время последнего свидания с Ольгой, спасая любовь и счастье, Обломов решает, что «сам поедет с поверенным в деревню, но прежде выпросит согласие тетки на свадьбу, обручится с Ольгой, Ивану Матвеевичу поручит отыскать квартиру и даже займет денег... немного, чтоб свадьбу сыграть». В своих планах он надеется на Штольца, который даст денег, устроит Обломовку на славу, проведет дороги, построит мосты, заведет школы... Однако Ольга не принимает его заверений и клятв и выносит роковой приговор их счастью. Им никогда уже не доведется увидеться, хотя они и сохранят друг к другу нежные и трепетные чувства. Обломов будет искренне радоваться счастью Ольги, когда

узнает, что она вышла замуж за Штольца («Вас благословил сам Бог! Боже мой! как я счастлив!..»).

Разлука с Ольгой, осознание собственного бессилия в реальном воплощении романтических порывов и чувств потрясли Обломова. После тяжелой болезни он «мало-помалу входил в прежнюю нормальную свою жизнь».

Прошел год, тот срок, на который должна была быть отложена свадьба. Обломов получил деньги от поверенного, распорядился о постройке дома в Обломовке, «оставалось только приехать весной и, благословясь, начать стройку при себе». Обломов опять никуда не поехал. Окруженный заботой и вниманием Агафьи Матвеевны, он обрел свою Обломовку в ее доме на Выборгской.

Дом Пшеницыной оказался тем райским, благословенным уголком, в который он стремился всегда. Здесь дни и ночи текут мирно, не внося буйных и внезапных перемен в однообразную жизнь. Жизнь меняется в своих явлениях, но меняется «с такою медленною постепенностью, с какою происходят геологические видоизменения нашей планеты: там потихоньку осыпается гора, здесь целые века море наносит ил или отступает от берега и образует приращение почвы».

Как и в Обломовке, в новообретенном райском уголке ведутся разговоры о праздниках, кухне, продовольствии. Как и в Обломовке, здесь барин мог сидеть, не трогаясь с места, и пусть «не взойдет завтра солнце, застелют небо вихри, понесется бурный ветер из концов в концы вселенной, а суп и жаркое явятся у него на столе, а белье его будет чисто и свежо, а паутина снята со стены...»

После того как и Штольцу удалось уладить дела в Обломовке, Обломов получает исправно доходы, и в доме Пшеницыной воцаряются мир и тишина. Все враждебное исчезло из жизни Ильи Ильича, и он «жил как будто в золотой рамке жизни». В обстановке, естественной для него, проявляются благородство, уверенность Обломова в своих нравственных силах. Много лет слушая Тарантьева по лености и беспечности, Обломов проявляет смелость и решительность тогда, когда грубость и пошлость земляка переходят все границы.

В доме Пшеницыной Обломов обрел и семью. Он заботится о детях Агафьи Матвеевны, как о своих, у него родился сын, которого он назвал в честь друга — Андреем. Его чувство к Агафье Матвеевне было спокойным и ровным. В любви к ней он не испытывал тоски, бессонных ночей, сладких и горьких слез. Она не предъявляла к нему никаких требований. «И у него не рождалось никаких самолюбивых желаний, позывов, стремлений на подвиги, мучительных терзаний о том, что уходит время, что гибнут его силы, что ничего не сделал он, ни зла, ни добра, что празден он и не живет, а прозябает». В Агафье Матвеевне воплотился наконец «идеал того необозримого, как океан, и ненарушимого покоя жизни, картина которого неизгладимо легла на его душу в детстве, под отеческою кровлей».

Вдумываясь в свой быт в доме Пшеницыной, все более и более обживаясь в нем, Обломов решил, что «ему некуда больше идти, нечего искать... идеал его жизни осуществился». Его быт на Выборгской — продолжение обломовской жизни, «только с другим колоритом местности и, отчасти, времени». Однако в его жизни на Выборгской нет поэзии, нет лучей, «которыми некогда воображение рисовало ему барское, широкое и беспечное течение жизни в родной деревне, среди крестьян, дворни». Обломов «иногда плачет холодными слезами безнадежности по светлом, навсегда угаснувшем идеале жизни», но, взглянув на окружающее, вкусив временных благ, успокоится и «наконец, решит, что жизнь его не только сложилась, но и создана, даже предназначена была так просто, немудрено, чтоб выразить возможность идеально покойной стороны человеческого бытия». Любящее око жены, Агафьи Матвеевны, зорко сторожило каждое мгновение его жизни, но «вечный покой, вечная тишина и ленивое переползанье изо дня в день тихо

остановили машину жизни. Илья Ильич скончался, по-видимому, без боли, без мучений, как будто остановились часы, которые забыли завести».